

По-колдовски я тайну счастья разгадал,
Его никто не в силах миновать.

Артур Рембо

Она открыла глаза. Властный порыв ветра ворвался в спальню. Он превратил портьеру в парус, заставил цветы, стоявшие в большой вазе, согнуться почти под прямым углом, потом принялся ее будить. То был первый весенний ветер: он пах свежестью, лесом, землей, он свободно пересек парижские окраины, пропитанные бензином улицы, игриво и весело заявился в ее спальню, чтобы сказать ей, еще как следует не проснувшейся: «Посмотри, как прекрасна жизнь».

Она закрыла глаза, перевернулась на живот, не отрывая головы от подушки, пошарила рукой по полу в поисках будильника. Наверное, она забыла поставить его у изголовья, она всегда все забывала. Она медленно поднялась на ноги, высунула голову в окно. Еще не рассвело, окна дома напротив были закрыты ставнями. Ох уж этот ветер! Вздумал разгуляться в такую рань! Она вновь легла в постель, решительно завернулась в одеяло и некоторое время притворялась, что спит.

Но нет, сон к ней не шел. Ветер по-хозяйски разгуливал по комнате, она чувствовала, как он нервничал в податливо склонившихся розах, как испуганно раздувались занавески. Иногда он дышал ей в лицо, соблазнял всеми благоуханиями пробуждающейся природы: «Пойдем, погуляем вместе». Вставать ей не хотелось, обрывки снов еще дурманили мозг, однако мало-помалу губы ее раздвинулись в улыбке. Рассвет, деревья в первых лучах солнца... Четыре платана возле дома, их листья четко вырисовываются на белом небе, хруст гравия под лапами собаки, вечное детство. Что еще можно сказать о тайне его очарования после всех сетований писателей об утерянном рае, теорий психоаналитиков, внезапных душеизлияний, в которые пускается каждый человек, стоит ему заговорить о времени, «когда он был ребенком»? Наверное, только то, что детство связано с ушедшим в прошлое сладким чувством абсолютной безответственности. Но для нее (об этом она никому не говорила) оно не ушло в прошлое. Она и сегодня чувствовала себя совершенно безответственной.

Последняя мысль заставила ее подняться. Она поискала глазами халат, но не нашла. Кто-то, видимо, его убрал, но куда? Вздохнув, она открыла дверцы шкафа. Нет, ей никогда не привыкнуть к этой комнате. Впрочем, как

и к любой другой. Все здесь оставляло ее равнодушной. А ведь спальня была очень милой: с высоким потолком, двумя большими окнами, выходящими на одну из улиц левого берега Сены, серо-голубым ковром, приятным для глаз и ног. Кровать казалась островом, по обе стороны которого находилось по рифу: ночной столик и низкий стол между окнами — оба отличались изысканной чистотой линий, как утверждал Шарль. Наконец-то найденный халат из превосходного натурального шелка был мягким и нежным.

Она прошла в спальню Шарля. Он спал с закрытыми окнами, при зажженном ночнике, и ветер никогда его не беспокоил. Рядом с пачкой сигарет и зажигалкой лежала упаковка со снотворными таблетками, тут же стояли будильник, заведенный на восемь часов, и бутылка минеральной воды. Лишь газета «Монд» валялась на полу. Она присела на кровать и посмотрела на него. У пятидесятилетнего Шарля было красивое, правда чуть дряблое лицо, всегда казавшееся несчастным, когда он спал. В это утро он выглядел даже более несчастным, чем обычно. Шарль занимался недвижимостью, был весьма богат, однако из-за чрезмерной робости и врожденной вежливости, которые порой делали его холодным как лед, довольно трудно сходился с людьми. Вот уже два года, как они жили

вместе, то есть обитали в одной квартире, встречались с одними людьми и иногда проводили ночь в одной постели. Шарль отвернулся к стене и тихо застонал. Она в который раз подумала, что он не был с ней счастлив, но едва ли мог ожидать чего-то другого, связавшись с женщиной на двадцать лет моложе себя, да еще помешанной на собственной независимости. Она взяла со столика сигарету, бесшумно закурила и снова посмотрела на Шарля. Его волосы на висках подернулись сединой, по очень красивым рукам тянулись выпуклые вены, губы немного поблекли. Она почувствовала прилив нежности. Как он умудрялся быть добрым, умным и в то же время столь несчастным? Она ничем не могла ему помочь: мыслимо ли утешить человека, страдающего оттого, что он появился на свет и должен умереть? Она закашлялась. Не надо ей было курить утром, ничего ни поев. Нельзя курить натошак, а также пить, превышать скорость, чрезмерно предаваться любви, переутомлять сердце, тратить слишком много денег — ничего нельзя. Она зевнула. Сесть в машину и погоняться за весенним ветром — вот что ей сейчас нужно. Работа ее сегодня, как и во все прочие дни, не ждет. Благодаря Шарлю она от нее отвыкла.

Полчаса спустя она мчалась по шоссе в направлении Нанси. По радио передавали кон-

церт для фортепиано с оркестром. Григ? Шуман? Рахманинов? Ясно, что это кто-то из романтиков, но кто? Ее раздражала и радовала эта забывчивость. Она любила лишь то искусство, которое запечатлевалось в ее чувствительной памяти. «Я уже двадцать раз слушала эту музыку, я помню, что однажды, когда мне было тяжело, она наложилась, как переводная картинка, на мою душевную боль». Она уже не помнила, почему тогда страдала, — конечно, она уже начала стареть. Однако это ее мало волновало. Уже давно ее не тревожили мысли о самой себе, давно она не смотрела на себя со стороны, и лишь сегодняшней день гнался вместе с ней за утренним ветром.

2

Раздавшийся во дворе шум мотора разбудил Шарля. Он услышал, как Люсиль напевает, закрывая ворота гаража, и с тревогой потянулся к будильнику. Было восемь часов. Так рано Люсиль обычно не вставала. «Уж не заболела она?» — пронеслось у него в голове. Но весело звучащий голос его успокоил. Он хотел было открыть окно, остановить ее, но сдержался. Приподнятое настроение приходило к Люсиль, как правило, тогда, когда она

ощущала одиночество. Он вновь закрыл глаза. Сколько раз ему еще придется сдерживать себя, чтобы не надоедать Люсиль, не стеснять ее! Будь ему лет на пятнадцать поменьше, он мог бы, конечно, открыть окно и непринужденно и в то же время властно крикнуть: «Люсиль, поднимайся наверх, я проснулся!» Она бы поднялась, выпила с ним чаю, присела на его кровать, и он рассказал бы ей что-нибудь смешное. Он пожал плечами. Даже если бы он был на пятнадцать лет моложе, ему вряд ли удалось бы ее рассмешить. Он никогда не умел быть забавным. Лишь год назад благодаря ее усилиям он обрел способность быть беззаботным, а это искусство трудно дается тому, кто не наделен им от природы.

Он сел в постели и с удивлением уставился на пепельницу. В ней была потушенная сигарета, и Шарль стал вспоминать, не забыл ли он перед сном выбросить окурки в камин. Нет, такого с ним не случилось. Значит, здесь была и курила Люсиль. По небольшой вмятине на одеяле он понял, что она к тому же присаживалась на кровать. Сам он спал очень спокойно и никогда ничего не мял. Горничные, убиравшие его холостяцкую квартиру, часто его за это хвалили. Опрятность, наряду со спокойствием, невозмутимостью и хорошим воспитанием, была той добродетелью

Шарля, которую все отмечали. Многим делают комплименты за их обаяние, ему же они никогда не доставались — по крайней мере, если принимать в расчет лишь искренние проявления чувств. Жаль, он рад был бы почувствовать себя красивым, блестящим, неотразимым. Некоторые слова, произносимые в его присутствии, заставляли его по-настоящему страдать, как страдают от мыслей о чем-то несбыточном: к таким словам относились «очарование», «непосредственность», «непринужденность» и почему-то «балкон».

Однажды он рассказал Люсиль об этих своих переживаниях, упомянув лишь последнее слово. «Балкон? — спросила удивленная Люсиль. — Почему именно балкон?» Она произнесла несколько раз: «Балкон, балкон» — потом поинтересовалась, производит ли на него такое же впечатление это слово во множественном числе. Он ответил утвердительно. Она спросила, помнит ли он какие-нибудь балконы, которые мог видеть в детстве, и Шарль ответил, что нет. Она с живым интересом взглянула на него, и как всякий раз, когда в глазах у нее читалось нечто помимо обычной любезности, в нем вспыхнула безумная надежда. Однако она лишь пробормотала что-то о небесных балконах Бодлера, и на этом все кончилось. Как всегда — ничем.

А ведь он любил ее, но не мог ей сказать, как сильно ее любит. Не потому, что Люсиль была способна как-то воспользоваться этим, а по той причине, что такое признание смутило бы ее и расстроило. То, что она его не бросала, уже было большой удачей. Шарль мог предложить ей лишь спокойную, устроенную жизнь, но он знал, что это заботит ее меньше всего. По крайней мере он так считал.

Он позвонил в колокольчик, подобрал с пола «Монд», попытался читать. Безуспешно. Он не мог отвлечься от мысли, что Люсиль, наверное, опять слишком быстро гонит машину, которую он подарил ей на Рождество. Он тогда позвонил своему приятелю из газеты «Авто», чтобы выяснить, какой из спортивных автомобилей надежней и устойчивей. А Люсиль он сказал, что эту марку было легче всего купить, что он чисто случайно, «не мудрствуя лукаво», заказал именно ее. Люсиль была в восторге. А вдруг ему сейчас позвонят и сообщат, что на дороге найден перевернутый темно-синий автомобиль, а под ним тело молодой женщины, и по найденным при ней документам... Он поднялся. В голову лез всякий вздор.

Вошла Полина, она принесла на подносе завтрак.

— Какая сегодня погода?

— Довольно пасмурно. Но воздух пахнет весной, — ответила Полина.

Ей было шестьдесят, она служила у него уже десять лет. Не в ее привычках было выражаться поэтично.

— Весной? — машинально повторил он.

— Так сказала мадемуазель Люсиль. Она спустилась в кухню еще до меня, взяла апельсин и сказала, что на улице пахнет весной и поэтому она должна спешить.

Она улыбалась. Вначале Шарль очень боялся, что Полина возненавидит Люсиль, но после двухмесячных раздумий горничная определилась: «У Люсиль ум десятилетней девочки. Господин Шарль, который еще больше походит на ребенка, не в состоянии надежно защитить ее от неприятных сюрпризов жизни. Эту задачу должна взять на себя я, Полина». С блестящим напором она приказывала Люсиль отдыхать, побольше есть, поменьше пить, и Люсиль, явно тронутая ее заботой, подчинялась. Взаимоотношения двух женщин были покрыты легкой завесой тайны, которую Шарль, с его рациональным умом, не мог приоткрыть, но которая его восхищала.

— Она взяла только апельсин? — спросил он.

— Да. Она попросила меня передать вам, чтобы, выходя из дома, вы дышали полной грудью, потому что пахнет весной.

Голос Полины был бесстрастен. Понимал ли он, что вымаливал у нее то, что могла бы передать ему Люсиль перед прогулкой? Иногда в подобных случаях Полина отводила взгляд. И он чувствовал, что она осуждает его не за саму Люсиль, а за то, как он ее любит. То была ненасытная, болезненная любовь, и лишь Полине он позволял это заметить. Вот этой-то любви и не понимала горничная, несмотря на весь свой здравый смысл и материнское, снисходительное отношение к Люсиль. Она, конечно, смогла бы его пожалеть, влюбись он не в «милое создание», как она выражалась, а в «злую женщину». Полина не догадывалась, что, может быть, «злая женщина» была бы для Шарля даже лучше.

3

Квартира Клер Сантре при жизни ее мужа была более роскошной. Теперь она немного утратила свой блеск — чуть меньше стало дорогой мебели, было заметно, что синие портьеры уже не раз перекрашивались, озадаченные официанты, приглашенные лишь на один вечер, теряли минуты, не зная, какая из пяти дверей гостиной ведет в кухню. Тем не менее это был один из самых гостеприимных домов на улице Монтень, и многие стре-

милось попасть на приемы, которые устраивала Клер Сантре. Это была высокая, сухощавая, энергичная женщина, одна из тех блондинок, которым пошли бы и темные волосы. Ей было чуть больше пятидесяти, выглядела она моложе и весело говорила о нежной страсти, как женщина, утратившая к любви чувственный интерес, но хранящая о ней добрые воспоминания. Поэтому женщины относились к ней благожелательно, а мужчины шуточно за ней ухаживали. Она была из тех пятидесятилетних парижанок, которым удается и неплохо жить, и следовать моде, а иногда даже быть ее законодательницами. На светские обеды у Клер Сантре всегда приглашались один-два американца и один-два венесуэльца, которых она заранее рекомендовала как довольно скучных, но нужных ей людей. Они обедали у очень известной в Париже дамы, с трудом следили за беседой, изобилующей загадочными недомолвками и непонятными шутками, о которых они, можно не сомневаться, со смехом будут рассказывать в Каракасе. Благодаря этому Клер имела преимущественное право на продажу то ли венесуэльских тканей во Франции, то ли, наоборот, французских в Венесуэле, но в любом случае на ее обедах всегда хватало виски. Короче, мадам Сантре была женщиной умной

и говорила о ком-нибудь плохо только тогда, когда молчать было просто глупо.

Шарль Блассан-Линьер на протяжении многих лет был одним из самых почетных гостей на обедах Клер. Он одолжил ей немало денег и никогда о них не упоминал. Он был богат, красив, говорил мало, но по делу и время от времени брал в любовницы одну из протеже Клер. Ненадолго — на год, иногда на два. Он выезжал с ними в Италию и отправлял их оттуда в Сен-Тропе¹, если они жаловались на жару в августе, или в Межев², если сетовали на усталость зимой. Все это кончалось очень дорогим подарком, который обычно, неизвестно почему, подводил черту под любовной связью, и через полгода Клер опять начинала его «пристраивать». Однако, к огорчению мадам Сантре, вот уже два года, как этот спокойный, рассудительный человек ушел из-под ее опеки. Он влюбился в Люсиль, а Люсиль была загадочной личностью. Веселая, вежливая, часто забавная, она упорно отказывалась рассказывать о себе, о Шарле, об их планах. Когда-то она работала в небольшой газете, одной из тех, которые при-

¹ *Сен-Тропе* — курортный городок французского Средиземноморья. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Межев* — городок в департаменте Верхняя Савойя: излюбленное место отдыха французов, увлекающихся горнолыжным спортом.

числяют себя к левому лагерю, чтобы меньше платить своим сотрудникам, на чем и кончается вся их смелость. Теперь она почти не появлялась в редакции, и никто не знал, чем она занимается. Если у нее и был кто-нибудь, кроме Шарля, он не принадлежал к окружению Клер, которая с удовольствием свела бы ее со многими своими «мушкетерами». Она пробовала это сделать, но безуспешно. Отчаявшись найти пристойное решение этой проблемы, Клер предложила Люсиль чисто бальзаковский вариант, к которому часто прибегают парижанки: Люсиль выходит из игры с норковым манто и чеком Шарля на сумму, примерно равную стоимости этой шубки.

— Я не нуждаюсь в деньгах, к тому же ненавижу подобные комбинации, — таков был ответ Люсиль.

Она сказала это сухо, не глядя на Клер, которая после секундного замешательства нашла гениальный выход, делавший ей честь. Она взяла Люсиль за руки:

— Спасибо, милочка моя. Я люблю Шарля, как брата, а вас знаю плохо. Простите меня. Если бы вы приняли мое предложение, я бы стала очень за него бояться.

Люсиль разразилась смехом, и Клер, которая надеялась, что молодая женщина расчувствуется, волновалась за свою репутацию

до следующего званого вечера, на котором убедилась, что Шарль ни в чем не изменил своего отношения к ней. Видимо, Люсиль умела молчать, а может, просто не была злопамятна.

Во всяком случае, весна не обещала ничего хорошего. Клер что-то бормотала себе под нос, проверяя сервировку стола. Прибывший первым Джонни, как это давно вошло у него в привычку, не отступал от нее ни на шаг. До сорока пяти лет он был голубым, но теперь после рабочего дня и обеда в ресторане у него уже не оставалось сил, чтобы найти в полночь красивого молодого парня. Джонни довольствовался тем, что провожал меланхоличным взглядом встреченных в гостиных симпатичных мужчин. Светская жизнь способна заглушить все, даже пороки. Да простят благочестивые души его прошлые грехи! Итак, Джонни стал рыцарем в услужении у Клер. Он сопровождал ее на премьеры, обеды, иногда смущенно принимал гостей у нее дома, и безукоризненный такт никогда ему не изменял. Вообще-то, звали его Жан, но все находили, что имя Джонни звучит веселее, он смирился с этим и за двадцать лет даже приобрел легкий англосаксонский акцент.

— О ком вы думаете, дорогая моя? У вас такой озабоченный вид.

— Я думаю о Шарле. И еще о Диане. Вы же знаете, что сегодня она придет со своим новым любовником. Я видела его всего один раз, но мне сразу стало ясно, что он вряд ли способен оживить наш обед. Как можно в тридцать лет, да еще с такой внешностью, быть столь мрачным?

— Напрасно Диана увлекается интеллектуалами. Ей с ними никогда не везло.

— Существуют весьма занимательные интеллектуалы, — подчеркнуто мягко сказала Клер. — Но Антуан не настоящий интеллектуал: он довольствуется тем, что следит за изданием собраний сочинений в издательстве «Ренуар». Сколько он может там зарабатывать? Гроши. Вы сами это знаете. У Дианы, слава богу, хватит денег, чтобы...

— Не думаю, что его так уж интересуют деньги, — робко возразил Джонни, который находил Антуана очень красивым мужчиной.

— Он еще ими заинтересуется, — сказала Клер усталым тоном человека с большим жизненным опытом. — Диане за сорок, и у нее миллионы, ему тридцать два, и получает он от силы двести тысяч франков в месяц. Такое уравнение не может существовать долго.

Джонни засмеялся было, но тотчас перестал. Он наложил на лицо крем против морщин, который ему порекомендовал Пьер-Андре, и у него не хватило времени, чтобы он

впитался. До половины девятого ему надлежало хранить бесстрастный вид каменного изваяния. Он взглянул на часы — было как раз восемь тридцать. Облегченно вздохнув, он вновь засмеялся, и Клер удивленно на него посмотрела. Джонни, конечно, ангел, но несколько пулевых ранений, которые он получил, геройски сражаясь в частях британских ВВС в 1942 году, видимо, что-то повредили у него в голове. Наверное, была задета... как это называется... доля, да, какая-то доля. Клер с живым интересом на него взглянула. Трудно было представить, как эти длинные бледные руки, которые столь нежно поправляли на столе цветы, сжимали когда-то автомат, штурвал горящего самолета, который нужно было среди ночи посадить на своем аэродроме... Человек действительно непостижим. Никогда нельзя быть уверенным, что знаешь о ком-то абсолютно все. Вот это и позволяло Клер никогда не скучать. Она хотела издать глубокий удовлетворенный вздох, но он был безжалостно остановлен туго стянутым корсажем ее платья. Карден, конечно, преувеличивал, когда сравнивал ее с сильфидой.

Люсиль попыталась скрыть зевоту: отвернувшись от стола, она вобрала в себя воздух и медленно выдохнула его сквозь зубы. Это напоминало ужимку кролика, но зато на глазах не выступали слезы. Обед казался беско-

нечным. Она сидела между бедным Джонни, который не переставал с беспокойством ощущать ладонями свои щеки, и молчаливым красивым молодым человеком, которого ей неофициально представили как нового любовника Дианы Мербел. Впрочем, молчание соседа ее не задевало. В этот вечер у нее совсем не было желания нравиться. Она слишком рано встала сегодня утром. Она попыталась вспомнить запах того проклятого ветра и на мгновение закрыла глаза. Когда она вновь их открыла, то поймала на себе очень недовольный взгляд Дианы, который ее удивил. Может, она была так влюблена в этого молодого человека, что ко всем его ревновала? Люсиль взглянула на соседа: у него были светлые пепельные волосы и волевой подбородок. Он делал шарик из хлебного мякиша. Вокруг его тарелки накопилось уже немало таких катышков. За столом говорили о театре. Клер обожала одну пьесу, которую терпеть не могла Диана. Люсиль сделала усилие и обратилась к молодому человеку:

— Вы видели эту пьесу?

— Нет, я никогда не хожу в театр. А вы?

— Редко. В последний раз я смотрела в театре «Ателье» милую английскую комедию, в которой играла актриса, погибшая недавно в автокатастрофе. Как ее звали, не помните?

— Сара, — ответил он едва слышно и судорожно вытянул пальцы на скатерти.

Люсиль была потрясена выражением его лица. «Боже, как он несчастен!» — пронеслось у нее в голове.

— Извините меня, — произнесла она.

Молодой мужчина повернулся к ней лицом и угрюмым голосом спросил: «Что?» Он явно ее не видел. Она слышала, как он прерывисто дышит, будто его ударили, и мысль о том, что удар этот, пусть невольно, нанесла она, была ей невыносима. Беззастенчивость, а тем более жестокость никогда не доставляли ей удовольствия.

— О чем вы мечтаете, Антуан? — Голос Дианы звучал не совсем естественно, в нем слышалась напускная игривость, и все за столом замолчали. Антуан ничего не ответил — казалось, он был глух и слеп.

— Да он и впрямь мечтает, — смеясь, сказала Клер. — Антуан, Антуан...

Но Антуан и ее не услышал. Теперь воцарилась настоящая тишина. Гости с застывшими в руках вилками смотрели на бледного молодого человека, который не сводил невидящих глаз со стоявшего посреди стола графина. Люсиль тронула его за рукав пиджака, и он наконец проснулся:

— Извините, что вы сказали?